

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.10>UDC 347.44
LBC 67.404.2Submitted: 02.12.2025
Accepted: 08.12.2025

THE ENFORCEABILITY OF A NO-ORAL-MODIFICATION CLAUSE

Marina Yu. Kozlova

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the enforceability and effectiveness of a no-oral modification clause (NOM clause). Such a clause, which is a standard boilerplate provision in many contracts, requires that all modifications and additions to the contract be made in writing and signed by the parties. The NOM clause is intended to provide certainty to the relationship between the parties and prevent problems related to possible abuse, as well as difficulties in proving oral agreements. The relevance is due to the logical task that arises when this provision is violated, when the parties verbally reach an agreement on the modification and begin to implement it. The **purpose** of the study is to determine the legal consequences of an informal modification to a contract containing a NOM clause. The research is based on a comparative legal analysis of the legal norms, doctrinal positions and judicial practice of individual countries, including Russia. **Results:** the legal effectiveness of the NOM clause is subject to debate, as it creates a tension between the parties' freedom to bind themselves by obligations and their freedom to alter contractual relations. There are various approaches to solving this problem. Thus, one approach affirms the freedom to override the clause: the parties are free to do so, because an oral modification of the contract constitutes a waiver of the NOM term, thereby giving precedence to the new agreement. Another approach is to give precedence to the NOM term: the clause binds the parties, and ignoring it is an unacceptable disregard for the freedom of contract. Therefore, any agreements reached in violation of the form have no legal effect. International instruments such as the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CIGS) recognize the validity of the NOM clause, but introduce a good faith safeguard: a party may be precluded from invoking the clause to the extent that the other party has relied on the party's conduct. In Russian practice, courts, as a rule, require the evidence of a written agreement, and modifying a contract by specific actions in the presence of the nom clause is often considered impossible. The mandatory restrictions apply to state and municipal contracts: the actual performance of additional work does not require payment in the absence of a written agreement. **Conclusions:** the nom clause is a significant instrument of contract law that allows parties to limit their future freedom in favor of predictability. The problem of informal modification remains a paradox: the freedom of contract extends to the right to voluntarily restrict this freedom. Legislation and law enforcement practice provide flexible approaches, requiring an assessment of the fairness of upholding or overriding the clause in each specific case.

Key words: no-oral modification clause, freedom of contract, autonomy of will, principle of justice.

Citation. Kozlova M.Yu. The Enforceability of a No-Oral-Modification Clause. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 75-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.10>

УДК 347.44
ББК 67.404.2Дата поступления статьи: 02.12.2025
Дата принятия статьи: 08.12.2025

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ОГОВОРКИ О ЗАПРЕТЕ УСТНОГО СОГЛАШЕНИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ДОГОВОРА

Марина Юрьевна Козлова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статье исследуется юридическая сила и эффективность оговорки о запрете устного изменения договора (*non oral modification clause*, оговорка *nom*). Такая оговорка, которая является стандартным условием множества договоров, требует, чтобы все изменения и дополнения к договору были оформлены в письменном виде и подписаны сторонами. Оговорка *nom* призвана придать определенность отношениям сторон и предотвратить проблемы, связанные с возможными злоупотреблениями, а также с трудностями доказывания устных соглашений. **Актуальность** обусловлена логической задачей, возникающей при нарушении этого условия, когда стороны устно достигают договоренности об изменении и начинают ее исполнять. **Целью** исследования является определение правовых последствий неформального изменения договора, содержащего оговорку *nom*. Исследование основано на сравнительно-правовом анализе правовых норм, доктринальных позиций и судебной практики отдельных стран, в том числе России. **Результаты:** юридическая эффективность оговорки *nom* вызывает разногласия, поскольку она создает коллизию между свободой сторон связывать себя обязательствами и свободой изменять договорные отношения. Существуют различные подходы в решении данной проблемы. Так, один подход заключается в свободе преодоления оговорки: стороны свободны преодолеть оговорку, поскольку устное изменение договора означает их отказ от условия *nom*, обеспечивая приоритет новому соглашению. Другой подход заключается в придании приоритета условию о запрете устных соглашений: оговорка связывает стороны, и ее игнорирование является неприемлемым игнорированием автономии воли. Поэтому любые соглашения, достигнутые с нарушением формы, не имеют юридической силы. Международные акты, такие как Венская конвенция о международной купле-продаже товаров, признают действительность оговорки *nom*, но вводят механизм защиты добросовестности: поведение стороны может исключить для нее возможность ссылаться на оговорку в той мере, в какой другая сторона полагалась на такое поведение. В российской практике суды, как правило, требуют доказательств наличия письменного соглашения, причем изменение договора конклюдентными действиями при наличии оговорки *nom* часто признается невозможным. Для государственных и муниципальных контрактов действуют императивные ограничения: фактическое выполнение дополнительных работ не обязывает к оплате при отсутствии письменного соглашения. **Выходы:** оговорка *nom* является значимым инструментом договорного права, позволяющим сторонам ограничивать свою будущую свободу в пользу предсказуемости. Проблема неформальных изменений остается парадоксом: свобода договора распространяется на право добровольно ограничивать эту свободу. Законодательство и правоприменительная практика предлагают гибкие решения, связанные с необходимостью оценивать справедливость соблюдения или преодоления оговорки в данном конкретном случае.

Ключевые слова: оговорка о запрете устных изменений, *non oral modification clause*, свобода договора, автономия воли, принцип справедливости.

Цитирование. Козлова М. Ю. Юридическая сила оговорки о запрете устного соглашения об изменении договора // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 75–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.10>

Введение

«Все изменения и дополнения к договору должны быть оформлены в письменном виде и подписаны сторонами». Такое условие, распространенное в договорной практике, называется оговоркой о запрете устного изменения: *non oral modification clause* (далее – оговорка *nom*). Однако не вполне ясна ее юридическая эффективность, тем более что нарушение данного условия порождает логическую задачу, для решения которой правопорядки предлагают различные решения.

Данная оговорка призвана придать определенность отношениям сторон, которые стараются избежать конфликтов и проблем, связанных с возможными злоупотреблениями

ми участников. Очевидно также, что доказывание устных соглашений сопряжено с гораздо большими трудностями, чем доказывание, основанное на письменных документах. Таким образом, письменная форма как договора в целом, так и соглашения о его изменении обеспечивает интересы сторон и третьих лиц [9].

Оговорка о запрете устных изменений кажется стандартным условием, не предлагающим возникновения каких-либо проблем. Однако все меняется в то время, когда стороны устно достигают договоренности об изменении договора и начинают его исполнять. Тогда возникает вопрос – связаны ли контрагенты оговоркой *nom* или они свободны в своем соглашении настолько, что могут ее пре-

одолеть? Как оценивать состоявшееся фактическое изменение, если оно не было совершено письменно в противоречии с требованием договора?

Соответственно, возникают следующие вопросы: противоречит ли оговорка о недопустимости устного изменения договора принципу свободы договора или, напротив, соответствует ему; каковы правовые последствия устного изменения договора, содержащего оговорку пом.

Оговорка пом и принцип свободы договора

Оговорка пом создает коллизию между свободой сторон связывать себя обязательствами и свободой сторон изменять договорные отношения. Нарушение условия о запрете устных изменений формирует договорный парадокс, в котором свобода договора распространяется на право добровольно ограничивать эту свободу [1].

Существуют аргументы, обосновывающие как позицию о свободе сторон преодолевать оговорку, так и позицию о связанности сторон своим соглашением о необходимости письменного изменения. Примечательно, что причиной считать и одну, и другую позицию верной выступает автономия воли и свобода договора.

Согласно первому подходу, свобода договора предполагает и свободу отмены собственных соглашений. Стороны свободны в достижении любых соглашений при соблюдении ограничений, налагаемых публичным правом. Если стороны устно изменили договор, это значит, что они отказались от оговорки о запрете устных изменений. Если же они соблюдают оговорку – значит, такова их воля. С этой точки зрения можно сделать вывод о том, что стороны не связаны оговоркой пом – контрагенты свободны как соблюдать это условие, так и преодолеть его.

Если считать, что стороны свободны преодолеть свое соглашение о запрете устных изменений, то факт существования неформального соглашения при наличии условия пом, приводит к тому, что приоритет отдается новому неформальному соглашению. При этом не меняется распределение бремени доказывания,

и на лицо, заявляющее об изменениях, дополнительные обязанности не возлагаются.

Таким образом, оговорка пом не сделает недействительным неформальное изменение, поскольку любое такое изменение обязательно повлечет за собой отзыв сторонами оговорки пом. Для обеспечения автономии воли сторон необходимо обеспечить соблюдение этого изменения [4].

Другой подход состоит в том, что оговорка связывает стороны и имеет приоритет над последующими неформальными соглашениями сторон. Соответственно, оговорка может быть исполнена принудительно. Суть указанной позиции в том, что игнорирование условия договора о недопустимости устных соглашений об изменении и прекращении договора означает и игнорирование автономии воли, что является неприемлемым [2]. Реализация контрагентами возможностей, которые заложены в принципе свободы договора предполагает связанность условиями договора, недопустимость их произвольного нарушения и преодоления. Автономия воли сторон ограничивается содержанием достигнутого соглашения.

Оговорка связывает стороны настолько, что любые изменения договора, даже если они исполнены, не имеют юридической силы, так как они ничтожны в силу нарушения формы. Оговорка защищает стороны от необоснованных заявлений о том, что первоначальный договор был изменен.

Как было отмечено в одном из судебных актов, «Вся суть договорного права заключается в том, чтобы позволить сторонам связывать себя обязательствами в отношении будущего поведения, то есть закон расширяет договорную автономию именно за счет ограничения свободы в дальнейшем» [2].

Оговорка пом в праве отдельных стран и международных актах

Нарушения оговорок о запрете устных изменений являются типичными и поэтому вопрос о последствиях разрешается в национальных законодательствах и международных актах.

Проблема, связанная с оценкой последствий достигнутого соглашения о запрете ус-

тных соглашений, довольно часто служит предметом судебных разбирательств в странах общего права, и поэтому наиболее активно обсуждается в работах юристов, принадлежащих англо-саксонской системе права. Суды стран общего права рассматривают конфликты, связанные с нарушением условия о запрете устного изменения договора и обсуждают критерии оценки последующих устных соглашений.

Существенную роль в формировании подхода к проблеме сыграли акты Апелляционного суда Англии и Уэльса (EWCA) и Верховного суда Соединенного Королевства (UKSC) по делу MWB v Rock Advertising и его апелляция Rock Advertising v MWB [2; 3]. В первом из них был сделан вывод о том, что наличие оговорки *пом* не влияет на последующее неофициальное изменение. Однако Верховный суд Соединенного Королевства изменил это решение: было установлено, что положения *пом* исключают возможность принудительного исполнения неформальных изменений. Таким образом, в английском праве сформировался жесткий подход, в силу которого сделка с нарушением заранее определенной формы не влечет правовых последствий [11].

Рассуждая о судьбе оговорки *пом*, суды исходят из того, что существование автономии сторон требует признания возможности преодолеть данное условие. Автономия сторон действует до момента заключения договора, но после этого только в той мере, в какой это позволяет договор. Почти все контракты связывают стороны определенным образом действий и в той или иной степени ограничивают их автономию. Реальное преступление против автономии воли сторон заключается в предположении, что они не могут связывать себя в отношении формы любого изменения, даже если это то, о чем они договорились. Существует множество случаев, в которых законом предписывается та или иная форма соглашения. Нет никаких принципиальных причин, по которым стороны не могли бы принять тот же принцип по соглашению [3].

В гражданских кодексах стран континентальной Европы также определяются последствия несоблюдения формы соглашений об изменении договора. Так, в Германском гражданском праве содержится правило о том,

что «Несоблюдение формы, определенной условиями самой сделки, если не доказано иное, влечет за собой недействительность сделки» (§ 125) [8].

В практике различают простые и двойные оговорки о запрете устных изменений. «Простые» означают, что изменения договора должны быть оформлены письменно. «Двойные» оговорки предполагают, что изменения договора должны быть письменными, а, кроме того, оговорка *пом* может быть изменена только в письменной форме [7].

Позиция германского законодателя представляется вполне определенной – неформальные соглашения должны признаваться недействительными. Тем не менее, Имперский суд еще в 1910 г. постановил, что «если стороны связали себя соглашением о письменной форме, не предписанной законом, это обязательство может оставаться в силе только в том случае и в той мере, в какой они не выражают иного намерения» [6].

Даже в тех случаях, когда стороны не учитывали оговорку *пом* при согласовании изменения первоначального договора (и, следовательно, сознательно не соглашались на отмену или неприменение этой оговорки), немецкие суды, как правило, считали, что неформальные соглашения об изменении являются действительными [7].

В международных актах также разрешается проблема нарушения оговорки о запрете устных изменений.

Например, ст. 11 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи предусматривает свободу формы договора, которая распространяется и на соглашение об изменении или прекращении договора купли-продажи (ст. 29 Конвенции). При этом есть исключение для договоров, содержащих оговорку *пом*: «Письменный договор, в котором содержится положение, требующее, чтобы любое изменение договора или его прекращение соглашением сторон осуществлялись в письменной форме, не может быть иным образом изменен или прекращен соглашением сторон. Однако поведение стороны может исключить для нее возможность ссылаться на указанное положение в той мере, в какой другая сторона полагалась на такое поведение» (п. 2 ст. 29 Конвенции) [10].

Это правило означает, что поведение сторон договора должно быть добросовестным. В том случае, если одна из сторон дала другой основание считать, что соглашение состоялось в устной форме, то эта сторона не может ссылаться на то, что неформальное соглашение не имеет юридической силы.

Полный запрет устных изменений при действующей оговорке пот был бы несправедливым и не соответствующим потребностям практики. Поэтому Конвенция решает этот конфликт с помощью запрета противоречивого поведения, в основе которого лежит римский *nemo suum venire contra factum proprium* принцип (никто не может поступать вопреки совершенному им же самим) [5, с. 390].

Отказ в праве ссылаться на необходимость письменной формы возможен только в том случае, если другая сторона произвела какие-либо расходы, совершила действия, основываясь на позиции контрагента [11].

Аналогичные правила содержатся и в Принципах международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (ст. 1.2 и ст. 2.18) [12].

Предполагается, что стороны договора имеют власть устанавливать для себя правила поведения, касающиеся формы последующих соглашений об изменении или прекращении. Не исключается, однако, что субъекты договорных отношений могут преодолеть достигнутое соглашение, нарушить условие и договориться устно. Но в таком случае оговорка будет действовать, если именно такова воля сторон. Запрещается недобросовестное противоречивое поведение одной из сторон, которая, заключив устное соглашение об изменении или прекращении договора в противоречии с имеющимся условием пот, в дальнейшем ссылается на него.

Оговорка пот в праве России

Согласно ГК РФ, соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычая не вытекает иное (п. 1 ст. 452 ГК РФ). Фактически это означает, что соглашения об изменении договоров, в которых участвуют юридические лица, индивидуальные

предприниматели, а также соглашения физических лиц на сумму более 10 000 руб. по общему правилу требуют письменной формы.

Участники договоров часто включают в свои соглашения, если они существуют в виде единого документа, условия о недопустимости устных изменений. Эти условия могут формулироваться различным образом. Например: «любые изменения и дополнения к договору действительны при условии, что они совершены в письменной форме и подписаны надлежащими уполномоченными на то представителями сторон», «внесение изменений и дополнений, не противоречащих законодательству РФ, в условия контракта осуществляется путем заключения сторонами в письменной форме дополнительных соглашений к контракту, которые являются его неотъемлемой частью», «все изменения и дополнения к договору должны быть совершены в письменной форме» и т. п.

Имеется неопределенность по вопросу о последствиях нарушения оговорки о запрете устных изменений. Могут ли применяться правила о последствиях несоблюдения простой письменной формы сделки, или же достигнутое неформальное соглашение должно признаваться незаключенным, недействительным?

М.Г. Розенберг упоминал о данной проблеме [13]. Так, в МКАС при ТПП рассматривалось дело № 339/1997, в котором содержалась оговорка о недопустимости устного изменения договора. К спору применялось российское законодательство, которое предусматривало правило о недействительности внешнеэкономической сделки при несоблюдении письменной формы. МКАС при ТПП при разрешении этого и подобных споров исходил из императивности норм о письменной форме внешнеэкономических сделок и полагал, что соглашения об изменении условий контракта в устной форме недействительны.

Если следовать данной логике, то необходимо прийти к выводу о том, что нарушение формы соглашений об изменении договора по общему правилу не делает их недействительными. Если в самом соглашении не установлены последствия нарушения формы в виде недействительности, в силу ст. 162 ГК действует запрет ссылаться на свидетельские показания.

Однако, российские суды применяют разные подходы, в целом придерживаясь позиции о необходимости соблюдать первоначальные договоренности, если не представлены доказательства подписания дополнительного соглашения об изменении.

Споры часто возникают из договора подряда и из государственных контрактов в связи с выполнением дополнительных работ, которые требуют оплаты. На истца возлагается обязанность доказать наличие дополнительного соглашения в письменной форме.

Так, суд счел дополнительное соглашение к договору подряда незаключенным, поскольку стороны не согласовали его существенные условия. Отсутствие возражений со стороны заказчика, которому по электронной почте было направлено дополнительное соглашение, не подтверждает факта его заключения (решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.12.2022 №A40-218380/2022).

Высказывается позиция о том, что при наличии оговорки о том в договоре изменение договора путем совершения конлюдентных действий невозможно. Так, по одному из дел суд исходил из необходимости для истца доказать согласование в надлежащей форме иного, чем определено договором, размера оплаты услуг (Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 12.11.2021 по делу № A29-2578/2021).

Применяется и принцип эстоппель. Так, суд отказал истцу (поставщику тепловой энергии) во взыскании неустойки (пени), поскольку истец злоупотребил правом, затянув процесс подписания дополнительного соглашения об изменении объема поставки (хотя знал о превышении фактических объемов), что препятствовало ответчику своевременно оплатить услуги из-за технических сложностей в системе (деле № A40-216746/2024).

Если изменение касается государственного (муниципального) контракта, то действуют императивные ограничения, направленные на защиту публичных интересов. Фактическое выполнение дополнительных работ само по себе не влечет обязанность по оплате, если отсутствует дополнительное соглашение сторон (пункт 35 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020), утвержденного Президиумом ВС РФ 22.07.2020).

Выводы

При нарушении условия договора о недопустимости его изменения иначе, чем при соблюдении письменной формы возникает противоречие между свободой сторон достигать любых соглашений и уже состоявшимся договором. Данная проблема является распространенной и не имеет однозначного эффективного решения. Существуют подходы, отдающие приоритет первоначальному или последующему соглашению сторон. Решение также может зависеть от оценки поведения сторон. Представляется, что отсутствие универсального правила связано с тем, что законодатель предпочитает не вторгаться в свободу договора сторон и предлагает более гибкие решения, связанные с необходимостью оценивать справедливость соблюдения или преодоления оговорки в данном конкретном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fruitman, P. It is hard to write off an oral contract / P. Fruitman // The Advocates' Quarterly. 2021. – Vol. 52, no. 1.
2. Rock Advertising v MWB (UKSC). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2016-0152>
3. Shaw, W. Contracting out of contractual freedom: no-oral modification clauses and effecting party intention. A dissertation submitted in partial fulfilment of the degree of Bachelor of Laws (with Honours) at the University of Otago / W. Shaw. – October 2018. – 71 p.
4. UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) A Commentary/ ed. by S. Kroll, L. Mistelis, P.P. Viscasillas. – 2018. – 1322 p.
5. VII_ZR_JJi/63 Verkündetan 26. November 1964. Pohl, Justizober Sekretär ale Urkundsboamter der Geschäftsstelle. – URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VII_ZR_111-63
6. Wagner-von Papp F. European Contract Law: Are No Oral Modification Clauses Not Worth the Paper They are Written on? // Current legal problems. – 2010. – Vol. 63. – P. 511–596. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1650501>
7. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII –XIX, 1–715.
8. Козлова, М. Ю. Текст договора в электронной форме / М. Ю. Козлова // Legal Concept = Пра-

вовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 48–53. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.6>

9. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1994. – № 1.

10. Маслов, А. А. Добровольные требования к форме будущих сделок, их допустимость и исполнение: в поисках адекватной модели / А. А. Маслов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 9. – С. 55–93.

11. Нам, К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам. – М. : Статут, 2019. – 278 с.

12. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы UNIDRUA) // Закон. – 1995. – № 12.

13. Розенберг, М. Г. Международная купля-продажа товаров. Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров / М. Г. Розенберг. – М. : Статут, 2003. – 336 с.

REFERENCES

1. Fruitman P. It is hard to write off an oral contract. *The Advocates' Quarterly*, 2021, vol. 52, no. 1.
2. Rock Advertising v MWB (UKSC). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2016-0152>
3. Shaw W. *Contracting out of contractual freedom: no-oral modification clauses and effecting party intention. A dissertation submitted in partial fulfilment of the degree of Bachelor of Laws (with Honours) at the University of Otago*. October 2018, 71 p.
4. Kroll S., Mistelis L., Viscasillas P.P., eds. *UN Convention on Contracts for the International Sale*

of Goods (CISG) A Commentary. Second Edition. 2018. 1322 p.

5. VII_ZR_JJi/63 Verkündetan 26. November 1964. Pohl, Justizober Sekretär ale Urkundsboamter der Geschäftsstelle. URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VII_ZR_111-63

6. Wagner-von Papp F. European Contract Law: Are No Oral Modification Clauses Not Worth the Paper They are Written on? *Current legal problems*, 2010, vol. 63, pp. 511-596. URL: <https://ssrn.com/abstract=1650501>

7. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyj zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu*. Moscow, Infotropik Media, 2015, pp. VIII-XIX, 1-715.

8. Kozlova M.Yu. Tekst dogovora v elektronnoj forme. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 4, ss. 48-53. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.6>

9. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov (Zaklyuchena v g. Vene 11.04.1980). *Vestnik Vysshego Arbitrakhnogo Suda RF*, 1994, no. 1.

10. Maslov A.A. Dobrovol'nye trebovaniya k forme budushchih sdelok, ih dopustimost' i ispolnenie: v poiskah adekvatnoj modeli. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii*, 2021, no. 9, pp. 55-93.

11. Nam K.V. *Princip dobrosostnosti: razvitiye, sistema, problemy teorii i praktiki*. Moscow, Statut, 2019. 278 p.

12. Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogоворов (Principy UNIDRUA). *Zakon*, 1995, no. 12.

13. Rozenberg M.G. *Mezhdunarodnaya kuplya-prodazha tovarov. Kommentarij k pravovomu regulirovaniyu i praktike razresheniya sporov*. Moscow, Statut, 2003. 336 p.

Information About the Author

Marina Y. Kozlova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, kozlova-my@ranepa.ru; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Козлова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, kozlova-my@ranepa.ru; доцент кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>